

на литературном посту

СОДЕРЖАНИЕ

За плехановскую ортодоксию (передовая).
Резолюции второго пленума РАПП'а. 1. Задачи РАПП'а в реконструктивный период (по докладу Л. Авербаха). 2. Организационные вопросы (по докладу В. Ставского). 3. О татарской АПП (по докладу т. Галеева). 4. О детской литературе. 5. Постановление фракции расширенного пленума правления РАПП. Ю. **Либединский** — Несколько слов о Переверзёве. **Ранса Мессер** — О социальной природе поэзии В. Я. Брюсова. **Л. Тоом** — В борьбе за пролетарское мировоззрение (Аня Караваева). **И. Гроссман-Рощин** — „Тот, кто получает пощечины...” (О Гельфанде). **А. Селивановский** — Рекорд Т. Ганжулевич. — Как мы относимся к творчеству Чехова. **Н. Огнев**, **Вс. Иванов**, **О. Литовский**, **И. Нусинов** и **Б. Лапин**. Библиография.

1929 ОКТЯБРЬ

19

МОСКВА
ГОСИЗДАТ

КАК МЫ ОТНОСИМСЯ К ТВОРЧЕСТВУ ЧЕХОВА

(Окончание анкеты)

Н. Огнев

В 1900 г. я в первый раз прочел повесть Чехова «Моя жизнь». Как ошалелый, я пришел в гимназию и стал рассказывать товарищам по классу о прочитанной вещи. Особенно ушиб меня архитектор, отец Мисаила, а маляр Редька сразу стал близким, родным...

— А «Пестрые рассказы» читал? — спросили меня ребята.

— Нет.

— Эх, ты...

Из гимназии я отправился прямо в читальню им. Островского на Смоленском рынке и засел за «Пестрые рассказы». Не только мои тогдашние кумиры—Эдгар По, Марк Твен и Р. Хаггард—были мгновенно отставлены во второй ряд, но даже прозаический обед, поджидавший меня дома, был забыт до глубокого вечера, до самой той поры, когда запиралась читальня... Так в меня, двенадцатилетнего мальчика, вошел впервые Чехов, и поселился во мне всерьез и надолго.

¹ В книге дважды упоминается мое имя. Во набеганное недоразумений указываю на то, что Т. Ганжулович забыла закрыть скобки, заканчивавшие цитаты. Создается впечатление, что малограмотные высказывания Т. Ганжулович принадлежат моему предисловию к сборнику «Забой».

С жадностью хватал я миролюбивский «Журнал для всех», как только его свежий номер появлялся в читальне, и искал в нем в первую очередь Чехова... Когда Чехова не было, приходилось довольствоваться Борисом Лазаревским, но его рассказы были написаны только «под Чехова», и удовлетворения не давали.

Влияния Чехова я не отвергал и в юношеском возрасте, даже больше: я учился у Чехова писать. И могу сказать прямо: не было бы Чехова—не стал бы я писателем, а был бы журналистом, газетным работником.

Совсем недавно, только что прошедшим летом, я взялся за чеховские, когда-то столь мной любимые «Именины». И... читал с трудом. Нет теперь таких медленных, ленивых людей, нет больше барских усадеб, несвойственно нам больше—и не будет свойственно никогда—пристальное саморазглядывание, мучительное самоистязание. Куда-то ушли все эти сумеречные люди, и не жалко их нисколько. Мы все знаем теперь, что жизнь нужно творить, самим раскрывать ее прекрасные дали, а не ползти медленно по ее течению. Чехов писал когда-то о писателе своего времени:

«...Я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и пр. и пр., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд...»

Есть и сейчас писатели, «опоздавшие на поезд», и просто люди такие есть, и их превосходно отобразил Юрий Олеся в «Зависти», но главная беда их в том, что они не видят этого своего опоздания и утверждают, что поезд должен притти, хотя поезд давно ушел... Но Чехов-то очень хорошо видел, что не он «опоздал на поезд», а многие его современники, и он не только видел их, он резко порывал с ними, и его тирада о «Новом времени», которым он был когда-то вскормлен, напоминает письмо Белинского Гоголю:

«Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвост шакалов, это чорт знает что...»

А вот многие наши современники не видят своего опоздания, и в этом их трагедия...

Избранные сочинения Чехова нужны массовому читателю и сейчас именно потому, что и сейчас среди нас ходят, живут и, подчас, действуют люди с элементами чеховских персонажей, а ведь в глубоком чеховском понимании своих героев таится настойчивое, последовательное отрицание некоторых их свойств. Но я не думаю, что массовому читателю нужно давать всего Чехова...

Помимо чисто-формальных сторон чеховского творчества,— сторон, которые имеют и сейчас громадное значение для художественной литературы и ее развития, существует в чеховском творчестве некий стержень, и об этом стержне обязаны знать каждый писатель, каждый читатель, каждый грамотный человек. Этот стержень—творческий путь Чехова. От маленьких и весьма незначительных рассказов о тещах и несостоявшихся сви-

даниях—к серьезнейшим человеческим драмам, полным глубокой художественной правды. От «Романа с контрабасом»—к «Дуэли»... От «Зяночки»—к «Невесте»... От «Медведя»—к «Вишневному саду»... Трудный, тернистый путь маленького фельетониста из «Стрекозы»—не к славе и деньгам, а к тяжелому и мучительному раскрытию человеческой личности: к полной победе не только над внешними препятствиями, но и над собой; к самореконструкции, как позволительно выразиться в переживаемый момент.

Вс. Иванов

Революция вышибла у меня мое впечатление о Чехове, прочитанное в 1910—1914 гг., перечитал я его в двадцатом году, и надо сказать, что впечатление было огромное, и я думаю, что оно сильно повлияло на манеру письма рассказа моего «Партизаны». Особенно сильно понравились мне «Палата № 6», «Черный монах» и все его работы, относящиеся к последним годам его жизни.

Надо ли Чехова продвигать к массовому читателю?—Обязательно. Массовый читатель должен всемерно ознакомиться с ушедшей русской культурой, с любовью Чехова к человеку, с его нежностью и с превосходным весельем.

Что же касается современной художественной литературы, то влияние Чехова, если оно будет и если оно сможет выявиться (а опасные признаки этого есть, как чувствуется влияние учителя Чехова—Льва Толстого),—влияние это может быть только вредоносным, растлевающим, реакционным и безусловно должно быть преследуемо и уничтожаемо на месте, беспощадно! Если писатели желают учиться прозе,—они должны ей учиться на прозе Хлебникова, физиолога Павлова, учебниках химии и геологии.

О. С. Литовский

До революции вначале знал и ценил Чехова преимущественно как автора веселых рассказов (разумеется, «Хирургия», «Злоумышленник», «Лошадиная фамилия», «Хамелеон», «Толстый и тонкий») и водевилей («Юбилей», «Свадьба», «Предложение», «Медведь»), весьма при-

годных для исполнения на гимназических вечерах и любительских спектаклях. Только впоследствии «Мужики», «Степь», «Сахалин» по-иному заставили взглянуть меня на чеховские произведения. Я не был в те времена марксистом и мое отношение к творчеству Чехова до революции мало чем отличалось от отношения интеллигентского окружения, в котором я находился. В 1914 г., в день десятилетия со дня смерти А. П. Чехова, мне довелось напечатать в одной уездной газете статейку о Чехове, где, как водится, говорилось о «певце сумерек, лишенных людей», об интеллигентской «тоске по лучшему будущему» (погоди, дядя, Ваня, мы отдохнем!), о «мягком лиризме» и о «чеховских настроениях».

Чехов не был среди классиков, которых мы были обязаны изучать, а рекомендовался нам нашими педагогами, наставниками и старшими в качестве легкого, отдыхательного и даже «отвлекающего» чтения. Тем не менее, «Мужики», «Сахалин», повидимому, толкнули меня на материалистическую «ревизию» Чехова. Чеховские герои, в изобилии толпившиеся в нудном, провинциальном чередовании дней, начали приобретать для меня глубокий социальный смысл и будить «святое» недовольство существующим. Могу смело сказать: на чеховских произведениях наилучшим образом формировалась моя ненависть к мещанству, пошлости и «примиренчеству» к жизни.

За последние годы по «долгу» журналистской и фельетонной «службы» Чехова читал и перечитывал многократно. Как известно, Чехов, Успенский, Салтыков-Щедрин — железный инвентарь всякого большого и малого фельетонных дел мастера. В самое последнее время читал чеховские рассказы из жизни деревенских эскулапов, начиная от «веселой» «Хирургии». Мне это было нужно в связи с проводившимся «Беднотой» конкурсом на лучший сельский врачебный участок. Какое назидательное и злободневное чтение!

К массовому читателю избранного и марксистски-прокомментированного Чехова продвигать необходимо. К сожалению, рабочим и крестьянам, совершенно как в старые времена гимназистам, Чехов

больше всего известен как автор «Хирургии» и «Злоумышленника», неизменно исполняемых от Москвина до рядового драмкружковца. Впрочем, к сожалению, и в качестве юмориста Зоценко известен больше. Это вина наших политпросвет-организаций, издательств и библиотек. Рабочих нужно и полезно вооружить (особенно рабкоров) Чеховым в их борьбе с слюняйством, развинченностью — за четко работающий госаппарат.

У Чехова надо учиться художественному мастерству, прежде всего. В дни многотомных романов, ежедневных полных собраний сочинений, двадцати- и тридцатилетних сырых книжных кирпичей с благодарностью и удовольствием вспоминаешь 5—10-страничные бесподобные чеховские рассказы и рассказыки. Если не считать «Сахалина», есть ли у Чехова творения более 6—8 листов?

Пухлость, «многоглаголанье» — это еще от неумения овладеть материалом и тщательно над ним работать. Чехов являет превосходный, почти европейский образец композиционного мастерства, лаконичности, скупости и максимальной выразительности стиля.

А чеховский лексикон?

Когда читаешь произведения иных современных писателей, — скучно становишься от нескольких сотен слов, из которых не может выкарабкаться автор. Читать и перечитывать Чехова! Особо не мешает нашим очеркистам поучиться у Чехова искусству художественной публицистики («Сахалин», при чем Чехов действительно долго жил на острове, тщательно изучал и его и материалы, не в пример некоторым нынешним, которые в Москве могут спечь с одинаковой легкостью и дагестанский и тихоокеанский очерк). Как газетный работник не могу не порекомендовать товарищам-судебным референтам и репортерам почитать чеховские отчеты и заметки. Несмотря на нынешние усовершенствования технических возможностей и более благоприятную обстановку, Чехов писал тогда лучше. Почитайте его отчеты о тогдашней «астраханщине», — деле куда красочнее многих нынешних! Многое может почерпнуть у Чехова современная художественная литература и в смысле умения гля-

дет в жизнь, тщательно отделять свои вещи и подмечать характерные мелочи быта, умножать свой лексикон в смысле богатства языка, композиционного мастерства, почерпнуть, критически переработать и весь художественный арсенал Чехова поставить на службу задачам сегодняшнего дня. У нас еще много «чеховщины» в жизни, унтер-Пришибеевы, чеховские мещане и пошляки путаются в ногах у рабочего класса.

И нам нужен советский Чехов для того, чтобы успешнее бороться со всей ту-постью и косностью прошлой жизни.

И. Нусинов

Я касался вопросов, поставленных в анкете «На лит. посту», в своей работе «За Чехова, против чеховщины» (см. «Русский язык в советской школе», № 3, 1929 г.) и буду говорить очень кратко.

В оценке Чехова и тогда, когда в нем уже признали крупного писателя, обычно делали большую ошибку, идентифицируя Чехова с чеховщиной.

Чехов — начало откровения. Его жизненный и творческий путь — борьба за обновление жизни, за культуру, за преодоление азиатчины русской жизни, борьба методами русского радикала, который верит в постепенный прогресс.

Чехов не сознавал, что предпосылкой для той новой жизни, о которой он мечтал, является революция, хотя имеется много оснований думать, что он приближался к этому сознанию.

Но сейчас эти предпосылки налицо, и творчество Чехова может стать большим фактором культурной революции.

Наш массовый читатель много вырос. Он сможет отличить писателя от его материала, и тогда Чехов поможет ему преодолеть чеховщину нашей жизни.

Продолжаю перечитывать А. П. Чехова, и мне думается, что и образ Чехова и его творчество имеют огромное значение для нашего писателя и для современной литературы.

Не говорю уже о том, что Чехов — это глубочайший протест против того двурушничества, которое обнаружили некоторые советские писатели актом сотрудничества в эмигрантской печати. Его совесть не приняла бы клятв верности революции и обливания революции помоями белых изданий.

Чехов — это завет искоренить в писательской среде гнойники богемы, кружковщины, мелкой взаимной травли, подуськивания. Это завет культуры писательского быта, культуры писательского труда, завет великой творческой честности.

Б. Лапин

За последние годы Чехова читал. Знаю, что он большой мастер. Мне как читателю он враждебен. Читая его, я всегда испытывал раздражение. Надо думать, отчасти причиной этого — быт, служащий Чехову материалом. Этот быт мне незнаком и ненужен. Массовый читатель должен, конечно, знать Чехова.

Для развития современной литературы (в данный период) Чехов, по-моему, не играет роли.